

В.Н. Земцов
Уральский педагогический университет

Французский театр в Москве в 1812 г., или как русский пёс стал французской собакой

30 августа (ст.ст.) 1812 г. в Московском императорском театре, который размещался на Арбате, давали последний спектакль – «Семейство Старичковых». Публика почти вся состояла из военных¹. Через три дня прекрасное здание Арбатского театра, построенное в 1808 г. К.И. Росси, превратится в пепел. В ноябре 1812 г. 35 русских актёров и служителей этого «погорелого театра» обнаружат в доме князя А.Н. Долгорукова, влачащих самое жалкое существование².

Однако судьба французской труппы, игравшей в Москве под руководством талантливой Авроры Бюрсе, актрисы и автора нескольких пьес³, оказалась ещё более трагичной. Началось с того, что ещё 8 (20) августа главный режиссер театра Арман Домерг (по прозвищу Сент-Арман), брат Бюрсе, а также главный балетмейстер Ламираль оказались в числе 40 человек, которые как «подозрительные» были по приказу московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина арестованы. Домерг, который оставил нам воспоминания о тех событиях⁴, поведал, как в полдень квартальный и два будочника вывели его из дома и без объяснений усадили в дрожки. Верный пёс Домерга, сибирская собака, которую он завёл во время последнего приезда в Россию, бежал сзади, не отставая. Пёс выследил путь хозяина, который лежал к дому Лазарева, куда свозили всех арестованных иностранцев. Так как Домергу полицейские не разрешили послать жене какую-либо весточку, он решился спрятать в собачий ошейник записку, после чего отправил пса обратно домой. На следующий день жена и сестра Домерга, терявшиеся в догадках о причинах его ареста, смогли, наконец-то, его увидеть.

Между тем, московское простонародье, возбуждаемое слухами о «предательстве», стало скапливаться возле дома с арестованными. Русские мужики и молодые парни, нередко под хмельком, кружили вокруг дома, беспрестанно испуская угрозы в адрес арестантов, которые ни сном, ни духом не ведали, в чём же была их вина, за исключением разве того, что они были французами, немцами и итальянцами, много лет проживавшими в Москве. Наконец, через несколько дней четыре десятка арестованных, к которым добровольно присоединились 4 женщины с детьми (они не представляли, как они смогут остаться одни в городе, дышавшим против них яростью), были погружены на барку, стоявшую на Москве-реке. Барка была тесной: длиной в 21 аршин, в ширину - 13 аршин. В неё, помимо арестантов, погрузилась охрана из 10 рядовых и 1 унтер-офицера и квартального надзирателя Иванова⁵. Рядом на воде покачивались ещё три барки, предназна-

---

Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов – европейская история XIX в. (в особенности война 1812 г. как общеевропейское и общемировое явление), а также история Британии в межвоенный период 1918 – 1939 гг. E-mail: vladimirzemtsov@rambler.ru

- 1 Пыляев М.И. Старая Москва. Спб., 2005. С. 159.
- 2 Рапорт пристава Тверской части. 8 ноября 1812 г. // Центральный исторический архив Москвы. Ф. 46. Оп. 8 (далее - ЦИАМ). Д. 385. Л. 2; Список оставшимся театральной дирекции служителям. 8 ноября 1812 г. // Там же. Л.3-4.
- 3 Личность Бюрсе была поистине незаурядной. Уже в детстве она получила известность, обратившись к Вольтеру четверостишием, на которое тот ей ответил письмом в стихах. В 16 лет она вышла замуж за актёра Бюрсе, в 22 года овдовела. Она была автором нескольких драматических сочинений, перевела драму А.Ф.Ф. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» (Попов А.Н. Французы в Москве. М., 1876. С. 37. Примеч. 58). Одно время Бюрсе была любовницей герцога Брауншвейгского (вплоть до его смертельной раны в 1806 г.), а позже, как утверждают некоторые современники, - принца Генриха Прусского.
- 4 Domergues A. La Russie pendant les guerres de l'Empire. T.1-2. P., 1835. Мы воспользовались русским переводом части этой работы: Домерг А. Воспоминания о России // Исторический вестник. 1881. № 6. С. 343-363; № 7. С. 596-628; № 8. С. 862-887; № 9. С. 158-184; № 11. С. 620-641; № 12. С. 807-821.
- 5 Копия с дела о высылке в Нижний Новгород иностранцев. 21 августа 1812 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160 (далее – ОПИ ГИМ). Ед. хр. 193. Л. 25-25об.

ченые, как решили арестанты, для новых жертв. На борту арестантам зачитали прокламацию Ростопчина, в которой тот уверял в своих добрых намерениях и выражал надежду, что судно, в которое были погружены московские иностранцы, не станет баркой Харона. Толпа русского простонародья, наблюдавшая за происходившим с берега, улюлюкала и кричала ура! Женщины и дети, провожавшие своих родных, в отчаянии рыдали. Сами арестанты были уверены, что видят их в последний раз, так как полагали, что барку с ними непременно затопят.

Прошло несколько дней, как ночью, не доходя Коломны, спавший Домерг был внезапно разбужен от того, что на него откуда-то сверху свалился мохнатый и мокрый ком: то был верный пёс, который все эти дни и ночи шёл за баркой по берегу и, улучив момент, доплыл в темноте до судна, чтобы встретиться с хозяином⁶.

10(22) сентября, доплыв до Рязани, заключённые узнали о сдаче Москвы. Теперь уже русские, которых арестанты увидели на берегу, были в отчаянии. «Но это отчаяние продолжалось недолго, – пишет Домерг. Вскоре случился роковой пожар, который постарались приписать французам. Правительство ухватилось за этот предлог, чтобы придать войне характер народный и религиозный. Вся Россия, казалось, почерпнула в этой великой катастрофе новую энергию»⁷. В этом пожаре, как полагал Домерг, организованном русскими властями, погибло, по его мнению, более 10 тыс. русских раненых⁸.

Что же случилось с французскими актёрами и их семьями, находившимися в Москве во время пожара? По-видимому, никто из них не погиб, однако все пригубили (пока ещё только пригубили) из чаши страданий. 4(16) сентября, когда пожар был наиболее страшным, жена Домерга, оставшаяся одна в Москве с маленьким сыном, чудом спаслась из горящего дома и, в разодранной одежде, неся на руках ребёнка, стала метаться в поисках выхода из огненного кольца. Здесь она (о, чудо!) встретила Наполеона, пробиравшегося в сторону Петровского дворца. Жена Домерга бросилась в середину свиты ехавшего на лошади императора: «Государь, государь! Сжальтесь надо мною, спасите моего сына!» – закричала она и уцепилась за сапог Наполеона. Император, сохранявший демонстративно спокойный вид, ответил: «Успокойтесь, сударыня, успокойтесь, о вас и вашем сыне позаботятся» Однако госпожа Домерг не отставала и, пристроившись рядом с лошадью Наполеона, дошла с ним до Петровского. Там о ней действительно позаботились⁹.

Актрисе Луизе Фюзиль повезло больше – у неё на руках не было малолетнего ребёнка. Но и ей неоднократно приходилось бегать среди горящих домов, спасать вещи от грабителей и спастись самой. «Город, думается мне, не взят приступом, – заявила Фюзиль генералу Ж. Шартрану, который вселился в дом русского генерала Дивова, где актриса нашла пристанище¹⁰. – И разве мы не французы?» «Да, русские французы, – ответил Шартран, делая акцент на слове *русские*. – Почему вы не уехали?»¹¹ Префект императорского двора Л.Ф.Ж. Боссе, принявший в судьбе актёров живое участие, писал: «Действительно, если французских актёров сначала грабили убежавшие русские, то потом наши солдаты, которые мало заботились о том, чтобы справиться об их национальности. Пожар довершил их несчастья»¹².

К началу 20-х чисел сентября (н. ст.), когда пожар закончился, и Наполеон попытался восстановить в городе относительный порядок, большая часть актёров французской труппы влачила жалкое существование в большом доме князя Гагарина на Басманной. Без продовольствия, ограбленные, они кутались в какие-то тряпки и страдали от голода и неопределённости. Боссе, который был уведомлён о несчастьях актёров, позже писал, что «имел случай говорить о них за завтраком императору. Он

6 Домерг А. Указ. соч. № 7. С. 610-611.

7 Там же. С. 614.

8 Там же. № 8. С. 878.

9 Там же. С. 879. То, что фигурировавшая в этом рассказе женщина, действительно была женой Домерга, явствует из дальнейшего изложения последнего (См.: Там же. № 11. С. 621).

10 Дом находился на Б. Дмитровке, рядом с университетской типографией. Жан Шартран (Chartrand) был полковником Старой Гвардии, произведённым в бригадные генералы.

11 Записки актрисы Фазиль // Ла Флиз, де. Поход в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 144-146.

12 Французы в России. М., 1912. Ч. 2. С. 81. Главный хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей повстречал на улицах Москвы мадам Ламираль: «Приехав в этот город, я встретил одну особу, с которой, думал, никогда не увижусь; это мадам Ламираль... Эта несчастная женщина с двумя девушками в отчаянии – её муж был схвачен русскими и отправлен вместе с другими в Сибирь» (Д.Ж. Ларрей – жене. Москва, 15 сентября 1812 г. // *Lettres inedites du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la campagne de Russie* // ОПИ ГИМ. Ед. хр. 291. Л. 25).

велел оказать им первую помощь, назначил меня главным распорядителем над ними и приказал мне посмотреть, могут ли они в том составе, в каком были, дать несколько представлений, которые могли бы доставить развлечение войскам, расквартированным в Москве»¹³.

Префект двора через мадам Бюрсе пригласил французских актёров к себе и объявил им о решении императора¹⁴. В своих воспоминаниях Боссе по памяти приводит имена некоторых из этих актёров: это были гг. Адне, Перу, Лекен, Белькур, Перон, Госсе, Лефевр, госпожи Андре, Периньи, Лекен, Фюзи, Ламираль, Адне¹⁵. Под руководством Боссе и Бюрсе удалось быстро определиться с репертуаром: это должны были быть исключительно лёгкие и живые спектакли. Актёры находились в таком «грустном положении» (Боссе), что распределить роли не составило большого труда. Довольно быстро удалось решить и проблему театральных костюмов. Боссе обратился к главному интенданту армии М. Дюма, который открыл для него склад всевозможной одежды, вытащенной из московских домов и церквей, и сваленной в «церкви Ивана» (*mosque d'Ivan*)¹⁶. «Французские актёры, – пишет Боссе, – достали оттуда бархатные платья и бархатные костюмы, переделали их по своей фигуре и нашили широкие золотые галуны, которые имелись в большом количестве в этих магазинах. Они, действительно, были одеты роскошно, но их беда была в том, что под этими бархатными платьями некоторые из наших актёров едва имели на себе самое необходимое бельё, так, по крайней мере, мне говорила г-жа Бюрсе»¹⁷.

Спектакли было решено давать в домашнем театре П.А. Позднякова (Познякова), известного барина, хлебосола и увеселителя. Здание этого театра, находившееся на Б. Никитской, было пощажено огнём, но всё было разграблено. Его быстро привели в порядок, украсив залу с небывалой роскошью, «позаимствовав» в том числе и церковную утварь.

Первое представление состоялось 25 сентября (н.ст.)¹⁸. Таким образом, первые спектакли состоялись на следующий день после процесса над «поджигателями» (призванного снять обвинения с французских властей в организации пожара Москвы) и на следующий день после организации московского муниципалитета. Открытие театра должно было решить две задачи: во-первых, отвлечь и развлечь чинов Великой армии, чей дух заметно упал из-за московских пожаров, а, во-вторых, создать впечатление о том, что Наполеон и его армия обосновались в Москве надолго.

25 сентября (н.ст.) Г.Ж.Р. Пейрюсс, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, записал в дневнике: «Его величество хочет доставить немного удовольствия армии и администрации, расположенным в Москве, и поручил префекту Двора, барону Боссе, организовать труппу Комеди Франсе в Москве, под управлением мадам Бюрсе. Пламя пощадило дворец Позднякова, который имеет хорошенькую залу для спектаклей, хорошо декорированную и оборудованную всем необходимым. Открытие произойдёт этим вечером спектаклем «Игра любви и случая» (*"Jeux d'amour et du Hazard"*), а также [спектаклем] «Любовник сочинитель и лакей» (*"L'Amant autour et valet"*)»¹⁹.

Первой пьесой была знаменитая комедия в прозе П.К. Мариво, впервые поставленная в 1730 г. Она была в трёх актах. В ней были заняты гг. Адне, Перу, Сент-Клер, Белькур, Бертран, г-жи Андре и Фюзиль. Вторая пьеса принадлежала перу де Серона (*de Seron*) и была одноактной комедией в прозе. Цены, установленные для первого спектакля, были оставлены такими же и для

13 Там же. Полагаем, что в мемуарах Боссе, в отличие от воспоминаний Фюзиль, а тем более изложения Пыляева, обстоятельства этих событий, изложены достаточно убедительно.

14 Генерал А.Б.Ж. Дедем Ван дер Гельдер, который, конечно, был менее осведомлён в этом вопросе, нежели Боссе, утверждал, будто не префект двора, а сам «Наполеон на следующий день после своего возвращения (в Москву из Петровского - В.З.) захотел видеть мадам Бюрсе, директрису французской труппы...» (Цит. по: Grünwald C. *La campagne de Russie*. 1812. P., 1963. P. 232)

15 Как видим, Фюзиль была только одной из многочисленных приглашённых, в то время как в собственных воспоминаниях она сделала себя центральной фигурой. Впрочем, не исключено, что ей всё же представился случай спеть перед императором вместе с известным кастратом Тарквини. П.Ш.А. Бургоэнь, су-лейтенант 5-го полка гвардейских ворльтижеров, адъютант генерала Делаборда, расположившись во дворце Ростопчина на Лубянке, обнаружил двух французских дам, которые оказались там раньше него. Это были артистки французского театра – мадам Андре (*André*) и мадам Антонии (*Anthony*) (*Boisgoing. Souvenirs militaires*. P., 1897. P. 119).

16 По-видимому, так французы называли строения, примыкавшие к колокольне Ивана Великого.

17 Французы в России. С. 81-82.

18 Пыляев, а вслед за ним и А.Н. Попов, уверяли, что это произошло через 3 дня после того как Наполеон отдал приказ организовать спектакли. Однако не ясно, на чём они это утверждение основывали.

19 *Reyusse G.-J. Mémoires et archives*. 1809-1815. Carcassonne, 1869. P. 103. Сохранился текст этой афиши. Текст был напечатан в «Библиографических записках» (1859. Т. 2. С. 268) с ошибкой в дате представления. Эта ошибка («7 октября!») затем перешла в текст Пыляева (С. 162). А.Н. Попов это исправил (С. 138).

последующих представлений, а именно: билеты в 1-ю галерею были 5 франков (или 5 руб.), во 2-ю галерею – 1 франк (или 1 руб.), в партер – 3 франка (или 3 руб.).

В литературе, вероятно благодаря Домергу, получило место утверждение, будто все афиши были написаны от руки²⁰. Более того, тот же Домерг, которого, напомним, в те дни в Москве не было, утверждал, что на афишах не обозначали даже имена актёров, и публика попросту давала им прозвища. Видимо, это не так. Сохранился экземпляр печатной афиши, объявлявшей о спектакле 10 октября (н.ст.), где были указаны и названия спектаклей, и имена всех занятых в них актёров, и цены. Уведомлялось также о спектаклях на 11-е и 13-е октября (н.ст.). Приведём текст этой афиши в переводе на русский язык:

«Французский театр в Москве [и]
Комеди Франсе имеют честь
представить в субботу 10 октября 1812 г.

Первое представление
«Оглушённые, или живой труп»
("Des etourdis ou le mort vivant"),
комедию в трёх актах на стихи
г-на Андрё

После первого представления -
«От недоверия и злобы»
("De défiance et Malice"),
комедия в 1 акте в стихах.

В «Оглушённых» [заняты] месье Адне, Перо, Белькур, Сенвэр (Sainvair), Лефевр, Бертран, Юге (Huguet), мадам Андре, Периньи.

В «Недоверии» месье Перу (Pegoux), мадам Андре.

Начало в 7 часов.

Театр находится на Большой Никитской. Дом Познякова (Posniakoff).

Цены на места

1 Галерея	5 франков или 5 рублей
2 Галерея	1 франк или 1 рубль
Партер	3 франка или 3 рубля.

В воскресенье 11 октября – «Открытая война, или Хитрость против хитрости» ("Guette ouverte ou Ruse conte (так в тексте - В.З.) Ruse"), комедия в 3-х актах. Затем - «Деревенский пройдоха» ("L'Empromtu de samragne"), комедия в 1 акте.

Во вторник, 13-го – «Рассеянный» ("Le Distrain"), комедия в 5 актах, на стихи Регнара (Regnard), сопровождаемая русским танцем.

В главном фойе театра предлагаются прохладительные напитки²¹.

Домерг, со слов своей жены и других московских французов, остававшихся в городе во время оккупации, дал такую, достаточно «демократическую» картину происходившего: «Не было ни входных билетов, ни кассы, устраиваемой, как обыкновенно делается, вне театра. Продажа билетов производилась в галерее, рядом с залом, где шли представления. Герцог Тревизский (маршал А.Э.К.Ж. Мортье – В.З.) постоянно, входя в театр, клал на стол кассы горсть пятифранковых монет и рублей. Простые офицеры платили также щедро и никогда не требовали сдачи; даже солда-

20 Домерг А. Указ. соч. № 8. С. 884. О рукописных афишах пишет А.Н. Попов (С. 139).

21 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 41. К. 165. Ед. хр. 16. Л. 6. 13-го октября после «Рассеянного» была также представлена постановка «Маррон и Фронтен». Это видно из дневника лейтенанта Дамплу: «13 октября. Сегодня смотрел «Рассеянного» и «Маррон и Фронтен». Представление имело большой успех. Г-жа Л. замечательно интересна. Лоливье, который знаком с ней, обещал представить меня завтра» (Последние дни французов в Москве (отрывки из дневника лейтенанта Дамплу) // Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 2005. Приложения. С. 267). Удивительным образом часть опубликованного здесь текста дневника лейтенанта Дамплу переключается с текстом дневника су-лейтенанта А.О.А. Майи-Неля, ординарца генерала Дюронеля! «Г-жа Л.» - это одна из девиц Ламираль, так как в сохранившейся афише объявлялось, что комедия «Рассеянный» будет сопровождаться русским танцем. Его, как известно, исполняли сёстры Ламираль.

ты не пользовались обычным правом платить половинную цену и бросали в кассу больше, чем следовало бы за целое место»²².

Оркестр был набран, в основном, из полковых музыкантов. Кроме них в оркестровой яме оказалось двое русских: первый скрипач-солист московского театра Поляков и виолончелист Татаринов²³.

Комб, офицер 8-го шассерного, посетивший один из спектаклей (в тот день повторяли «Игру любви и случая»), после чего была дана коротенькая пьеса «Вероломная ложь» ("Les fausses infidélités"), так описал увиденное: «Зала была вся освещена, и актёры были хороши. Среди зрителей было несколько хорошеньких женщин, все они, как думается, были жёнами офицеров. Стойки фойе были заняты гренадерами императорской гвардии, которые были в рубашках с закатанными рукавами и в белых фартуках, предлагая освежительные напитки, за которые они брали очень дорого»²⁴. Был в восхищении от того, что увидел в доме Познякова, и польский граф майор П. Дунин-Стжижевский, исполнявший должность начальника штаба лёгкой кавалерийской дивизии 5-го армейского корпуса. 12 октября (н.ст.) он отписал жене в Варшаву так: «Я здесь был на спектакле; это французская комедия. Сыграна актёрами очень сносно в частном доме, где устроен общественный театр, так как большой театр сгорел. Ты не можешь себе представить нескольких огромных салонов, которые мы прошли, чтобы попасть в театр. Я был в восхищении от того, что видел. Один салон, я думаю, больший, чем у тебя, был наполовину заполнен самыми прекрасными цветами»²⁵.

Всего, как утверждает Боссе, было дано 11 спектаклей. Помимо спектаклей 25 сентября, 10, 11 и 13 октября, известно, что 27 сентября (всё по н.ст.) давали «Рассеянного» ("Le Distrain") с участием Адне, 30 сентября - «Трёх султанш» ("Trois sultanes") и русский танец в исполнении мадемуазель Ламираль²⁶. Кроме того, Фюзиль уверяет, что 19 октября она играла в «Любовницах Протея» ("Les amants Protégés") и на 20-е было объявлено о «Глухом» ("Le sourd")²⁷. Но это маловероятно. Во-первых, потому, что выступление армии было объявлено уже 18-го, а 19-го утром армия уже выступила. Во-вторых, по понедельникам (19-го октября был как раз понедельник) спектаклей не давали. Поэтому считаем, что Фюзиль играла в «Любовницах Протея» в воскресенье 18-го октября.

Известно, что помимо упомянутых выше спектаклей были также сыграны «Фигаро» ("Figaro"), «Притворная неверность», «Стряпчий-посредник» ("Le procureur-arbitre"), «Проказы в тюрьме», «Сид и Заира» ("Side et Zaira"). Не исключено, что сыграли также пьесу г-жи Бюрсе «Остров старух» ("L'île des vieilles")²⁸. Домерг, который в Москве в те дни не был и описывал события с чужих слов, упоминает также пьесы «Любовные безрассудства» ("Les Folies amoureuses"), «Мартон и Фронтен» ("Marton et Frontin") и «Игрока» ("Le Joueur")²⁹.

Несколько раз сёстры Ламираль исполняли дивертисмент, состоявший из русских танцев. «Это были настоящие русские танцы, - пишет Боссе, - но не такие, которые исполняют в Парижской опере, а те, которые танцуют в России. Вся прелесть этой пантомимы заключается главным образом в игре плеч, головы и всего тела»³⁰. Однако, вопреки мнению Боссе, русские танцы на сцене выгоревшей Москвы восхитили не всех. 14 октября (н.ст.) один из зрителей, почтовый чиновник Итасс (Ytasse), так отписал во Францию своей кузине: «Два дня мы были на спектаклях, достаточно дурных; даже трудно подобрать точное слово, в высшей степени дурных, из-за их несоответствия моменту. Всё выглядело шиворот-навыворот, но, тем не менее, было принято, так как развлекло. Вчера были сыграны две пьесы французским театром, сыграны, вопреки здравому смыслу, с чувством, а затем для нас был исполнен русский танец. Этот танец никому не понравился, это было всё равно, что английский танец, по смыслу и дикости. Тем не менее, мы много

22 Домерг А. Указ. соч. № 8. С. 884.

23 Попов А.Н. Указ. соч. С. 138.

24 Цит. по: Grünwald C. Op. cit. P. 234-235.

25 П. Дунин-Стжижевский - жене. Москва, 12 октября 1812 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842 (далее - АВПРИ). Л. 146-147; Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M.Gorainow. P., 1913. P. 79.

26 Feytusse G.-J. Op. cit. P. 105-107.

27 Grünwald C. Op. cit. P. 242.

28 Попов А.Н. Указ. соч. С. 138.

29 Домерг А. Указ. соч. № 8. С. 884.

30 Французы в России. С. 82.

смеялись, поскольку эти танцы состоят из множества небольших движений, в основе довольно глупых, над которыми было невозможно не смеяться»³¹.

Другой чиновник, посетивший, по крайней мере, два спектакля, Пейрюсс, также увидел явное несоответствие исполнявшихся на сцене танцев (на этот раз речь шла о катильоне) тогдашним обстоятельствам: «Мы смогли собрать несколько французских актёров, находящихся в изгнании. Его величество ассигновал 12000 франков на первое время. Мы уже были на двух спектаклях, которые мы нашли хорошими, за исключением катильона, который выглядел похоронным»³².

Значительная доля скепсиса по поводу затеи Наполеона развлечь армию спектаклями в Москве проскальзывает и в письме Бернара, генерального расчётчика (payeur) Великой армии, в письме 15 октября (н.ст.), отправленном Ф.М.П. Руйе Ла Буйери (Rouillet La Bouillerie), генеральному коронному казначею: «Ну вот, дорогой месье де Буйери, спустя месяц я стал жителем Московии, и вы видите из моего предшествующего письма и бюллетеней, что в этом городе я почитаю уже целых 35 дней. Несмотря на французский спектакль, который я, правда, ещё не видел, но о котором любители говорят как о чуде, я вас уверяю, что пребывание здесь не слишком весёлое»³³.

Был ли хотя бы раз на этих спектаклях император? Актриса Фюзиль, чьи воспоминания впервые были изданы уже в 1814 г., описала один такой случай. При этом главным объектом внимания Наполеона стал ранее неизвестный рыцарский романс немецкого композитора Фишера, который Фюзи исполняла «во время сцены у окна» в пьесе «Открытая война» ("Gueite ouverture")³⁴.

По-видимому, Фюзиль всё же лукавила. Все иные свидетельства (Пейрюсса, Боссе, Домерга) говорят, что император на этих спектаклях в доме Познякова ни разу не присутствовал. Боссе нашёл для Наполеона «развлечение, более подходящее его вкусам» (Боссе). «Среди иностранцев, проживающих уже несколько лет в Москве, которые избегли несчастья, принесённого нашествием и пожаром, - писал префект двора, - я открыл превосходного певца, синьора Тарквинио (signer Tarquinio), который уже несколько лет как имел громадное имя в Италии, где он выступал в операх известного Крешентини; он жил в Москве уже два года и давал уроки пения прелестным москвичкам. Г-жа Бюрсе указала мне великолепного аккомпаниатора г-на Мартиньи, сына Винченце Мартиньи, знаменитого композитора, автора "Cosaraga", "l'Arbore di Diana" и др. Эти два таланта вместе дали мне возможность доставить некоторое развлечение Наполеону среди его тяжёлых трудов»³⁵.

Как мы уже отметили, Наполеон, организовав театр в Москве, стремился тем самым создать впечатление (у своей армии, у русских и у Европы), что намерен обосноваться в Москве надолго. 1 октября (н.ст.) пасынок Наполеона вице-король Италии, командир 4-го армейского корпуса Е. Богарне отписал жене: «Император собирается доставить актёров из Парижа; от меня он потребовал певцов из Милана...»³⁶ «Обсуждается вопрос о приезде актёров из Парижа; так что похоже, что обоснуемся в Москве», - написал 3 октября (н.ст.) Пейрюсс³⁷. Богарне был более осведомлён и проницателен, чем Пейрюсс. «Есть серьёзная надежда, - сообщал 9 октября (н.ст.) Е. Богарне жене, - что дела устроятся этой зимой. Мы многое делаем для того, чтобы остаться... Таким образом, не пугайся, когда узнаешь, что приедут актёры, чтобы дать спектакли, и т.д., всё это убеждает *больше русских* (выделено мной - В.З.) в том, что мы их не покинем так быстро, как они думают, и тогда пусть они это сделают со своей стороны»³⁸.

Спектакли в позняковском театре шли вплоть до самого выступления Наполеона из Москвы. Хотя в городе ещё оставался гарнизон Мортье, а император продолжал заявлять о готовности возвратиться в Москву в любой момент, французским актёрам стало ясно, что надо уезжать. Все боялись, и не без оснований, мести со стороны русских. Но и отъезд вместе с отступавшей французской армией обернулся для многих из них гибелью. Известна судьба некоторых из них. Так, актриса мадам Вертель покинула Москву с двумя детьми и беременная третьим. Один ребёнок

31 Итасс - кузине Летин. Москва, 14 октября 1812 г. // АВПРИ. Л. 182-182об.; Lettres interceptées... P. 109.

32 Пейрюсс - брату. Москва, 14 октября 1812 г. // Peyrusse G.-J. Op. cit. P. 103.

33 Бернар - Ф.М.П. Руйе Ла Буйери. Москва, 15 октября 1812 г. // Lettres interceptées... P. 146.

34 Французы в России. С. 83.

35 Там же. С. 82. Не исключено, что Фюзиль была однажды приглашена участвовать в концерте в Кремле, где романс в её исполнении и вызвал интерес Наполеона.

36 Е. Богарне - жене. Москва, 1 октября 1812 г. // [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858 (1860). Т. 8. P. 57.

37 Peyrusse G.-J. Op. cit. P. 108.

38 Е. Богарне - жене. Москва, 9 октября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. P. 59.

потерялся в суматохе возле Вязьмы, другой умер в дороге от истощения. Сама она была убита штыком часового при попытке пройти в Смоленск (был отдан приказ не пускать в город отставших солдат и гражданских лиц). Перед смертью она выкинула плод³⁹.

Фюзиль, преодолев тяжелейшие препятствия, приняв в декабре 1812 г. в Вильно смерть сына маршала Ф.Ж. Лефевра, спасая от верной гибели маленького чужого ребёнка, всё же смогла добраться до Франции⁴⁰.

Жена Домерга, покинув Москву с маленьким ребёнком, претерпела многие несчастья, тяжело заболела и лишилась рассудка. Ей удалось выжить. В 1815 г. в Вильно её отыскал муж.

Руководительница труппы Аврора Бюрсе выказала во время отступления, как пишет её брат, весь «свой поэтический энтузиазм». Когда фургон, в котором она ехала, начали по приказу императора жечь, она бросилась к солдатам, умоляя их вытащить из огня рукопись её пьесы. «Рукопись в жёлтой обёртке... прекрасный почерк... мой брат, пленник Ростопчина, переписывал её..!»⁴¹

Занятой оказалась судьба кастрата Тарквинио, услаждавшего слух императора. Он попал в руки казаков. Но «приятность лица, серебристый голос и округлость форм» заставили их принять его за переодетую женщину. Между казаками началась драка за обладание столь сладостным трофеем. Победитель усадил Тарквинио на лошадь и с любезностями препроводил его до Вильно. Здесь одна из французских актрис и увидела его, окружённого «попечением и уважением башкир». Домерг уверяет, что «каждый вечер на дороге или на биваках Тарквинио услаждал своим мелодическим пением досуг казаков, которые иногда присоединяли грубые свои голоса к великолепному сопрано...»⁴²

Что же случилось с самим Домергом, отправленным на барке из Москвы, и его верным псом? Из Рязани пленников отправили в Касимов, затем в Муром, Нижний Новгород и, наконец, уже в холода, пешком, – в Макарьев. По дороге на Макарьев поднялась снежная буря. Пленники сбились с дороги, замёрзли и начали думать о гибели. Неожиданно сквозь пургу они увидели одинокий дом, немедленно бросились к нему и стали стучаться в ворота. Хозяин, узнав, что это французы, категорически отказался их впускать, заявив, что его сын сейчас воюет против Наполеона. Однако слова пленников о том, что может быть и его сын в таком же, как и они, положении, и тоже где-нибудь в чужой стране ищет пристанища, несколько смягчили суровость хозяина. Теперь он был готов впустить их во двор, но сказал, указывая на пса, что не пустит «эту французскую собаку». Тогда Домерг дал знак, и его верный пёс (как мы знаем, урождённый русским псом) начал «лаять и выть на разные голоса», подражая сопрано, тенору и басу. Это произвело на хозяина сильное впечатление. Пленники и сам пёс, постепенно превращавшийся во «французскую собаку», были спасены⁴³.

Пёс верно служил хозяину во время макарьевского плена. Затем, в Нижнем Новгороде, был похищен одним евреем, ярмарочным торговцем, и увезён в Арзамас. Для Домерга это стало большим горем: «Я лишился своего лучшего, последнего и верного друга - того, который не покидал меня в продолжение долгих бедствий и в самой тюрьме». Но через 15 дней, среди ночи, пёс, вырвавшись от торговца и преодолев немалое расстояние, вернулся к хозяину, бурно радуясь своему счастью. Суровую московскую зиму 1814-1815 гг. Домерг и его собака пережили вместе - пёс спал «в конце его ложа», согревая хозяину ноги. 20 января (н.ст.) 1815 г. Домерг выехал из Москвы в Вильно, где отыскалась его больная жена и сын; затем они вернулись во Францию. Вместе с ними была и французская собака, бывшая когда-то русским псом⁴⁴.

SUMMARY

In article of professor Vladimir Zemtsov is considered the activity of the Russian theatre consisting of actors-Frenchmen, in Moscow after employment of a city by Napoleon's army, after fire extinguishing and process over instigators.

39 Домерг А. Указ. соч. № 9. С. 165.

40 Любопытно, что дочь Фюзиль, мадам Жюльен, тоже актриса, впоследствии долго гастролировала в Варшаве и Москве, затем жила в Петербурге и там же умерла в 1867 г. ([Ysarn de Villefort F.J.D.] Relation du séjour des Français a Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812... / Publ. par A.Gadaruel. Bruxelles, 1871. P. 71. Note Q).

41 Домерг А. Указ. соч. № 9. С. 165-166.

42 Там же. С. 166.

43 Там же. № 11. С. 627.

44 Там же. № 12. С. 819-821.